

Франс Анатоль

Боги жаждут

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А64

А64 **Анатолий Ф.**
Боги жаждут / Франс Анатолий – М.: Книга по Требованию, 2022. – 251 с.

ISBN 978-5-521-28625-6

ISBN 978-5-521-28625-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вых подробностей, описанных в реалистических тонах, помогает читателю, в общих чертах знакомому с ходом революции, восстановить в конкретных картинах и образах ее повседневную жизнь в период якобинского террора, по крайней мере в некоторых социальных кругах Парижа.

Но если судить о всем этом периоде, основываясь исключительно на романе Франса и высказываниях действующих лиц этого романа, то получится совершенно искаженное, обывательски-ограниченное и одностороннее представление о периоде высшего подъема революции, вопиюще противоречащее как общепризнанным даже буржуазно-демократической историографией фактам и оценкам, так и высказываниям классиков марксизма-ленинизма. Вот почему, раньше чем перейти к раскрытию ошибочности общей концепции Анатоля Франса и отдельных его суждений и характеристик, необходимо вкратце остановиться на важнейших этапах, движущих силах и крупнейших исторических личностях отображенной в романе эпохи, т. е. периода с весны 1793 до лета 1794 года.

Прежде всего следует отметить то, что является наиболее характерным и решающим для французской революции конца XVIII века и что затушевывается — сознательно или бессознательно — Анатолем Франсом: это — огромная роль народных, плебейских масс в революции. Без изучения и показа этой роли совершенно нельзя понять движущие силы и ход всей революции.

В самом деле, если формально началом революции считается так называемый созыв Генеральных штатов, т. е. выборных депутатов от разных сословий в мае 1789 года, то действительным ее началом следует считать взятие и разрушение парижскими народными массами королевской крепости и государственной тюрьмы Бастилии 14 июля того же года, причем это взятие Бастилии явилось сигналом для всеобщего крестьянского восстания во Франции против помещиков-феодалов и феодальных порядков. Только под давлением этого грозного народного движения, равно как и нового выступления парижской бедноты 5—6 октября того же года, король вынужден был пойти на уступки Генеральным штатам, объявившим себя национальным учредительным собранием, только тогда это собрание поставило проблему отмены наиболее вопиющих феодальных повинностей, тяготевших над крестьянством.

Само учредительное собрание вело политику в интересах высших групп буржуазии, боялось резких революционных мер, готово было пойти на соглашение с королем, выступало против рабочих организаций и стачек. Даже после неудачной попытки короля бе-

жать за границу (летом 1791 г.) с целью возглавить собравшуюся там дворянскую эмиграцию и ускорить интервенцию иностранных держав против революции, учредительное собрание не только готово было помириться с королем, но дало приказ национальной гвардии под начальством генерала Лафайета расстрелять мирную, безоружную республиканскую демонстрацию, в которой значительную часть составляли парижские рабочие, собравшиеся на Марсовом поле в Париже с требованием республики и выработавшую петицию в этом духе, под которой было собрано около 10 тысяч подписей.

Это событие, получившее название «бойни на Марсовом поле», оставило неизгладимый след в сознании парижской бедноты и заставило ее сделать свои политические выводы. Наконец, когда летом 1792 года монархическая и реакционная Европа действительно поднялась войной против революционной Франции, идя навстречу желаниям дворянской эмиграции и тайным просьбам короля и защищая феодально-монархический порядок от французской революционной «заразы», и когда французские войска, под командой старых дворянских генералов, начали терпеть поражения, — огромное революционно-патриотическое воодушевление охватило широчайшие народные массы не только в Париже, но и во всей Франции. Из разных городов шли в Париж отряды добровольцев, революционный гнев которых направлен был не только против внешних врагов — интервентов, но и против их союзников и сообщников внутри страны, т. е. против короля, королевы, прозванной «австриячкой» (она была дочерью австрийского императора) и особенно ненавистной народу, против всей придворной клики и всех дворян-аристократов. Во время похода добровольцев из города Марселя распевался составленный Руже де Лилем революционный гимн, прозванный «Марсельезой», т. е. песней марсельцев, и с молниеносной быстротой облетевший всю Францию.

Это движение закончилось «революцией 10 августа». Восставший народ, в лице парижских «секций», т. е. районных организаций столицы, и «федератов», т. е. их союзников из провинции, разгромил королевский дворец Тюильри и фактически сверг королевскую власть. Парижские секции организовали революционную Коммуну, т. е. новый революционный городской совет, или городскую думу, которая отныне стала могучим фактором революции. По требованию Коммуны законодательное собрание, действовавшее на основании выработанной учредительным собранием монархической конституции, вынуждено было арестовать короля и королеву.

и объявить выборы, на основе всеобщего избирательного права, в Конвент, т. е. верховный революционный парламент Франции.

Но народные массы понимали, что арест короля еще не решает судьбы революционной Франции, что в стране осталось много врагов и что их уничтожение является важнейшим условием победы над интервентами. Этим объясняется то стихийное движение парижских масс, которое получило название «сентябрьских убийств». Известия о новых поражениях на фронте, в частности о падении крепости Верден, о контрреволюционных восстаниях и заговорах монархистов внушили массам мысль о необходимости обезвредить тыл путем уничтожения внутренних врагов, контрреволюционеров, находящихся в тюрьмах. И вот 2 сентября 1792 года народные массы совершали свой народный суд над заключенными в тюрьмах, выпуская тех, кого они считали невинными, и расстреливая на месте врагов революции.

На эту роль народных масс или «плебса» во французской революции указал Энгельс в письме к Каутскому от 20/II 1889 года, где он критиковал его статьи о противоречиях классовых интересов в революции. Энгельс писал: «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... Начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победы над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию... Таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»¹.

После революции 10 августа выступают на историческую арену те общественные группы и те вожди, которые фигурируют в романе Франса или в беседах его действующих лиц. Весь период с осени 1792 до весны 1793 года включительно внутренняя политическая история Франции заполнена ожесточенной борьбой двух главных партий Конвента: жирондистов и монтаньаров (или партии Горы).

Жирондисты получили свое название от департамента Жиронды, на юго-западе Франции, откуда были посланы в Конвент важнейшие представители этой партии. В классовом отношении они являлись выразителями интересов крупной торгово-промышленной буржуазии, значительно развитой именно на юге и юго-западе Франции. В Конвенте их называли также «бриссотинцами», по имени выдаю-

¹ «Историк-марксист», 1933 г., № 2 (30), стр. 42.

щегося вождя и идеолога этой партии — Бриссо, выступившего еще до революции в качестве философа, политика и публициста буржуазии. Испугавшись углубления революции, ненавидя революционно настроенные народные массы, которые, под влиянием начавшейся продовольственной разрухи, направляли свою ненависть уже не только против дворян-аристократов, но и против спекулянтов, наживавшихся на революции, и вообще против принципов буржуазной собственности, — жирондисты после 10 августа все более переходили в лагерь открытой контрреволюции. Особенно пугало их требование так называемого «аграрного закона», т. е. раздела крупных земельных владений между бедняками. Это требование являлось опасной угрозой уже не столько бывшим феодалам, т. е. дворянам-помещикам, сколько новой земельной буржуазии, скупившей конфискованные земли монастырей и дворян-эмигрантов.

Вот, например, с каким воззванием обратился вождь жирондистов Бриссо «Ко всем республиканцам Франции» уже 24 октября 1792 года: «Дезорганизаторы — это те, кто хочет все уравнивать — собственность, достаток, установить цены на пищевые продукты, определить ценность различных услуг, оказанных обществу, и т. д.; кто хочет, чтобы рабочий в лагере получал столько же, сколько законодатель; кто хочет уравнивать даже таланты, знания и добродетели, потому что у них самих ничего этого нет... Именно они... разделили общество на два класса: имущий и неимущий, класс санкюлотов и класс собственников, которых они возбудили друг против друга... Они под видом секций постоянно надоедают Конвенту петициями, в которых требуют установления максимальной цены на зерновой хлеб... Посмотрите на те департаменты, которые сумели обуздать ярость этих людей; посмотрите хотя бы на департамент Жиронды. Там все время царил порядок; народ там подчинялся закону, хотя платил по 10 су за фунт хлеба... А все потому, что в этом департаменте проповедники аграрного закона были изгнаны и граждане заколотили клуб, где проповедывали этот закон...»

Санкюлоты¹, столь ненавистные Бриссо и всем жирондистам, т. е. беднота, мелкие ремесленники и рабочие, были сосредоточены в наиболее значительных массах в Париже, этом главном центре

¹ Это слово являлось синонимом демократических, плебейских, главным образом рабочих и крестьянских масс. Санкюлоты противопоставляли себя представителям дворянства и высшей буржуазии, которые носили короткие до колен штаны (по французски — кюлот), чулки и башмаки с пряжками, тогда как простонародье носило длинные брюки и деревянные башмаки.

революции. Поэтому жирондисты обвиняли своих врагов монтаньяров в стремлении отдать революционному Парижу всю власть над остальной Францией и выдвигали с своей стороны лозунг наибольшей автономии отдельных провинций, лозунг федерации вместо централизованной республики, которая только и могла сконцентрировать все силы для отражения внешнего врага и подавления контрреволюционных заговоров внутри. Этот лозунг федерации послужил поводом к тому, что враги жирондистов из революционного лагеря присвоили им кличку «федералистов», стремившихся расчленить Францию, причем федералистам противопоставлялись «патриоты», т. е. революционеры, сторонники единой и нераздельной Франции.

Боясь дальнейшего углубления революции, жирондисты пытались спасти короля, обвиненного в государственной измене, и возражали против его казни. Они повели бешеную борьбу против революционной Коммуны Парижа, вместе с тем покровительствуя монархистам и эмигрантам. С другой стороны, если на первых порах, при приходе жирондистов к власти, положение на фронтах несколько улучшилось, то после казни короля (21/1—1793), за которую вынуждена была под давлением масс голосовать основная беспартийная масса Конвента, так называемое «болото», раньше поддерживавшая жирондистов, напор коалиции интервентов усилился. Благодаря неумелому, нерешительному и прямо саботажническому поведению жирондистского правительства, а также прямой измене некоторых поставленных им генералов, особенно Дюмуре, на фронте опять начались поражения. Все это вместе взятое настолько обострило ненависть к жирондистам широких парижских масс и особенно бедноты, что 31 мая — 2 июня произошло новое восстание парижских секций, причем восставшие явились к Конвенту и потребовали изгнания и ареста контрреволюционных депутатов-жирондистов.

Характерно для Анатоля Франса, с его игнорированием роли масс и массового движения в революции, что, начиная свой роман с ранней весны 1793 года, упоминая о петиции, которую подавали парижские секции Конвенту с требованием изгнания 22 наиболее ненавистных жирондистских депутатов, он о самом восстании 31 мая и 2 июня совершенно не упоминает, проходит мимо него, хотя оно резко противоречит жалобам на равнодушие масс, которые мы встречаем на первых же страницах книги. До какой степени своевременным было это восстание и репрессивные меры, принятые под его давлением Конвентом против жирондистов, видно из того, что до

этого жирондисты сами пытались перейти в наступление на революционную демократию, что они арестовали ее любимого вождя Марата, которого, впрочем, суд присяжных вынужден был с триумфом оправдать, наконец, что после их изгнания из Конвента они возглавили ряд контрреволюционных восстаний, вступали в блоки с открытыми монархистами, что их ставленница Шарлотта Кордэ убила Марата.

И вот, не понимая всей закономерности борьбы партий в Конвенте, отражавшей ожесточенную борьбу классов в стране, Анатоль Франс называет Конвент «вероломным и безжалостным по отношению к самому себе». Что касается жирондистов, то, признавая отчасти их «ошибки», Франс относится к ним с явным сочувствием. По отношению к жирондистам, находившимся на скамье подсудимых революционного трибунала, он пишет: «Эти люди вчера еще были очарованием и славой революции».

Переходим к монтаньярам, или партии Горы, названной так потому, что ее депутаты в Конвенте занимали верхние скамьи зала заседаний. Эта партия представляла интересы широких народных масс, т. е. демократической мелкой буржуазии, главным образом ремесленников, значительных масс крестьянства и городской бедноты, включая и рабочих промышленных центров, особенно Парижа. Все эти классовые группы объединяла ненависть к феодально-монархическому строю, к дворянству, но вместе с тем и к жадности, классовому эгоизму и предательству крупной буржуазии, боявшейся народных масс больше, чем старого режима. Ибо, по словам Ленина, «буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих»¹.

Наоборот, мелкая буржуазия и особенно ее беднейшие слои, а тем более рабочие, которые тогда еще не отделялись резкой классовой

¹ Ленин. Соч., т. VIII, стр. 57—58. ГИЗ. 1929 г.

чертой от всей бедноты, были кровно заинтересованы в наиболее решительном и быстром ходе революции. Эти интересы и отражали монтаньяры. Вот чем объясняется их революционная энергия, их решительность и смелость в борьбе со всеми врагами республики, как внешними, так и внутренними, их беззаветный революционный патриотизм. «Революционное правительство, — говорил вождь монтаньяров Робеспьер в Конвенте в конце 1793 года, — нуждается в развитии чрезвычайной энергии именно потому, что оно находится в состоянии войны. Оно подчинено менее единообразным и строгим правилам, потому что окружающие его обстоятельства грозны и изменчивы, и особенно потому, что оно беспрестанно вынуждено изыскивать новые и спешные средства для устранения вновь возникающих и неотложных опасностей. Конституционное правительство заботится главным образом о свободе граждан, революционное — о свободе общественной. При конституционном строе можно почти ограничиться защитой отдельных лиц от насилия государственной власти; при революционном строе сама государственная власть вынуждена защищаться против всех клик, которые на нее нападают. Революционное правительство обязано оказывать добрым гражданам всю полноту национального покровительства; для врагов народа у него только смерть».

И действительно, когда после падения жирондистов к власти пришла мелкая буржуазия, в лице диктатуры монтаньяров или, иначе, якобинцев (по имени их центрального политического клуба, расположенного в бывшем монастыре св. Якова, имевшего разветвления по всей Франции и игравшего роль политической партии), — наступил самый трагический, но вместе с тем и самый героический период французской революции. На фронтах республики приходилось отражать наступление армий европейской коалиции, возглавлявшейся Англией. Внутри страны Париж был окружен кольцом грозных контрреволюционных восстаний, частично тоже субсидированных англичанами, которые не брезговали даже выпуском фальшивых ассигнаций с целью еще более подорвать курс денег и тем самым усилить дороговизну и голод в стране. Восстал крупнейший промышленный центр Лион, где жирондисты в блоке с монархистами ввели свирепый белый террор против революционеров. Восстала морская крепость Тулон при прямой поддержке английского флота. Восстали Марсель, Тулуза и ряд других городов и областей. Углублялось начавшееся еще при власти жирондистов контрреволюционное кулацкое восстание в Вандее, во главе которого стали дворяне-монархисты и священники. В стране росла продовольственная разруха,

дороговизна, моментами прямой голод, которые, помимо общих причин — внешней и гражданской войны, — вызывались сознательным саботажем и спекуляцией буржуазии. И вот при таких условиях якобинцы нашли в себе такую силу, революционную страсть и уверенность в победе, нашли такую поддержку широких плебейских и бедняцких масс города и деревни, что проявили подлинные чудеса революционной энергии: произвели полную реорганизацию армии, омоловив и демократизировав ее командный состав, создали военную промышленность, подавили контрреволюционные восстания и, нанеся ряд поражений армиям коалиции интервентов, вытеснили их из пределов Франции и сами перешли в наступление против монархической Европы.

Такие грандиозные победы якобинской диктатуры могли быть осуществлены только благодаря активной поддержке широчайших народных масс. Этому резко противоречат постоянно повторяющиеся указания Анатоля Франса на пассивность этих масс. Правда, в одном месте он сам как бы в изумлении останавливается перед загадкой создания в разоренной и раздираемой гражданской войной стране целых двенадцати армий, посланных на фронт. Он не понимает, что без поддержки масс никакая революционная диктатура не способна была бы на подобный подвиг. Отметив это загадочное для него явление, он проходит мимо него, чтобы снова заняться будничными делами своих героев и особенно психологией главного из них, художника Эвариста Гамлена, попавшего в присяжные заседатели революционного трибунала и ставшего одним из винтиков грозной машины революционного террора.

Основной задачей книги Франса является именно борьба против якобинского террора, его моральное осуждение, подчеркивание его мнимой бессмысленности и якобы ненужной жестокости. И это характерно для всей концепции революции у Анатоля Франса. Ему абсолютно недоступна мысль, признанная многими даже буржуазно-демократическими историками, что именно революционный террор спас Францию от торжества интервенции и от полной реставрации старого режима, что, дав буржуазной республике внешние победы и упрочив ее существование, революционный террор помог выкорчевать ненавистные остатки феодализма во Франции и тем самым подготовил социальную почву для дальнейшего развития капитализма. В то же время, хотя Анатоль Франс вынужден признавать сочувствие революционному террору со стороны народа, наполнившего зал трибунала, он, конечно, совершенно не понимает той мысли Маркса, что террор французской революции и революционного пра-

вительства являлся именно плебейской, народной формой расправы с классовыми врагами революции.

«Господство террора во Франции,—писал Маркс еще в 1847 г.—могло... послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее тревожной осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа лишь выровняли ей, следовательно, дорогу»¹. Революционный террор был направлен против монархистов, против жирондистов, против генералов — изменников или трусов, наконец против спекулянтов, наживавшихся на народном голоде. Ибо якобинская диктатура в разгар войны, внешней и внутренней, вынуждена была разрешать и целый ряд социальных проблем, шедших навстречу требованиям широчайших масс. Только якобинская диктатура в Конвенте разрешила в буржуазно-демократическом духе аграрный вопрос во Франции, уничтожив социальные основы феодализма. Только якобинская диктатура ввела, по требованию масс, так называемый максимум, т. е. твердые цены на продукты питания.

Вот в каких словах характеризовал Энгельс в 1846 году социальный характер французской революции вообще и террора в частности: «Декретирование максимума цен, законы против скупщиков жизненных припасов; боевой клич революционных армий: мир хижинам, война дворцам; свидетельство карманьолы, по которой республиканец, наряду с железом и сердцем, должен иметь также хлеб, и сотни других несомненных признаков доказывают, помимо строгого изучения фактов, что тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация... В нашу трусливую, себялюбивую, попрошайническую буржуазную эпоху будет как раз своевременным напомнить о той великой године, когда целый народ на момент отбросил всякую трусость, всякое себялюбие, всякое попрошайничество; когда были люди, обладавшие мужеством беззакония, не отступавшие ни перед чем, — люди железной энергии, которым удалось добиться того, что, начиная с 31 мая 1793 г. до 26 июля 1794 г. (т. е. до падения Робеспьера. — Б. Г.) ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, словом, ни один буржуа не решился показаться»².

О значении революционного террора и связи его с массами Ле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 206, ГИЗ, 1929 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 28—29. ГИЗ, 1929 г.

нин писал: «...чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев). Для этого нужна беспощадная расправа с контр-революционной буржуазией прежде всего...»¹. В частности о якобинцах и их революционном значении Ленин высказывался с большим уважением: «Якобинцы 1793 года вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных»². Вообще о французской революции этого периода Ленин писал, что «для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»³.

Но именно тот факт, что мелкобуржуазные революционеры, делая дело буржуазии, расчищая почву для ее грядущего господства, в своей борьбе опирались на широкие массы, в том числе на бедноту и на рабочих, — должен был неминуемо поставить этих революционеров в трагически противоречивое положение, должен был вызывать расколы в их собственной среде. Лозунг «Свобода, равенство и братство» воспринимался массами в реальном, экономическом значении этих слов. В цитировавшемся уже нами письме Энгельса к Каутскому от 20 февраля 1889 года отмечается, что плебеи «вкладывали в революционные требования буржуазии смысл, которого там не было, довели равенство и братство до крайних выводов... эти плебейские равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, что создать *прямую противоположность* им, и что, как всегда, — ирония истории — это *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом для осуществления своей противоположности — *буржуазной*

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 51, ГИЗ. 1928 г.

² Там же, т. XX, стр. 506. ГИЗ. 1927 г.

³ Там же, т. XXIV, стр. 304. Партиздат. 1932 г.